

Открывая новые черты...

ТЕАТРАЛЬНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

НОВЫЕ чеховские спектакли, идущие сейчас на пяти сценических площадках столицы, различны не только по своему художественному уровню, таланту режиссуры или манере, к которой привыкли зрители. Они различны — и это, думаю, самое главное — по степени проникновения в «чеховское» пьес Чехова.

К сожалению, ни об одной из этих премьер нельзя говорить как о постановке безупречной, а полной мере раскрывающей для нас Чехова, какой была, вероятно, первая «Чайка» на сцене Художественного театра. Тем не менее в каждом из спектаклей есть что-то интересное: в одних есть поэзия, порой смелые и неожиданные, в других — находки, радостные. Многие сценические характеры смелы и умно воссозданы исполнителями. Они не только совпадают с тем, что написано драматургом, — в ряде случаев актеры обогатили эти образы. Для них, людей из чеховского будущего, необыкновенно дорогими оказались мечты писателя о грядущем, стали яснее те социальные противоречия, которые были причиной страданий и гибели его героев. Исполнители эти угадали манеру, стиль, интонацию произведений Чехова, раскрыли душу его героев. Другие актеры, увы, обеднили образы пьес, прочитали их быстро, поверхностно, а то и просто ошибочно.

Но не о них здесь речь. Речь — об удачах.

Многообразие и богатство драматических характеров позволяют актерам предлагать свои решения, дают материал для поисков, для неожиданных и в то же время умных прочтений. Каждый вносит свое видение, свое понимание, угадывает в характере то, что ему наиболее близко.

Что, скажем, отчетливо и надолго остается в памяти от работы Р. Плятта в спектакле театра имени Моссовета «Леший»? Абсолютная завершенность и гармоническое единство сценического характера созданного им.

Непривычный грим, мешающий в первые мгновения узнать актера, и такой знакомый глуховатый и глубокий голос Егора Петровича Войницкого Плятт рисует человека усталым давно и бесконечно пресыщенным однообразием и бессмысленной суетой жизни. Высокий и грузный, он словно вышел какой-то из внутренней опоры. Его большие красивые руки бессильны, зловеще опущены плечи.

Войницкий как его понимает Плятт — фигура чрезвычайно характерная для России тех лет. Чистота душевных помыслов и сердечная доброта сочетаются у него с печальным списком, с редкими взрывами тоски, ум, острый, мечты возвышенные — с неумением приблизить их осуществлению.

Постановка пьесы незавершенной, являющейся прообразом «Дяди Ваня», стояла, в том числе и для исполнителей. Характеры пьесы, получившие затем столь блестящее завершение, а ряд случаев еще не ясны, а порой и просто противоречивы. Так, к примеру, мотивы любви к труду, добросовестного и радостного выполнения долга, так отчетливо прозвучавшие в окончательной редакции пьесы, недостаточно отчетливы в «Тешеч». Трудно представить себе Войницкого — Плятта, грустного интеллигента с аристократическими манерами и барственной независимостью, гонимый скупящегося над счетами, над конторскими книгами. А ведь именно так — если верить его последнему монологу — протекала его жизнь Пьеса, в данном ее варианте, мешала актеру проследить эту линию. Тем не менее характер найден. Вылеплен образ человека сложного и умного, приходящего последовательно, как к единственно возможному — к трагическому финалу.

Еще одна интересная исполнительская работа — Ю. Яковлева, поистине с блеском сыгравшего доктора Николая Ивановича Тригунского из пьесы Чехова,

которую порой называют по имени главного ее героя «Платонов» и которая на афише театра имени Евг. Вахтангова значится как «Пьеса без названия». Меж образов эскизных, среди переплетений сложных сюжетных линий этого явного не завершенного произведения характер молодого провинциального врача, измученного истерзанного ужасом и безнадежной грязью окружающего мира, — один из наиболее цельных. Это и позволило Яковлеву играть с пенительной тонкостью жизнь в образе и в то же время как бы со стороны, с легкой может быть даже иронией с ласковой усмешкой следить за всплесками этого талантливого кутюки, в душе которого смешались детская непосредственность и лень, доброта и эгоизм.

У Яковлева — Тригунского счастливый, светлые жесты, утешительные ноты. Улыбка то расправляется и кроется, то хитроватая и даже злая. И удивительные по чистоте близоруким глаза, сияющие добротой даже в минуты пылкой ссоры, даже когда Тригунский кричит надорванным от отчаяния голосом. Все свидетельствует о характере путаном, о душевной неприкаянности. Человек без будущего или с будущим печальным, как печальна была уездная действительность предреволюционных лет России.

Трагический Чехов, которого раскрыли Вам эти артисты, соседствует с Чеховым, позволившим иным исполнителям создать характеры большой силы и правды, но решенные несколько в иной манере.

М. Жаров в «Иванове» на сцене Малого театра играет отца Саши, помещика Лебедева. С какой удивительной сценической достоверностью details он это, какими крупными, отчетливыми мазками столь характерными для реалистического искусства этого театра. Образ, не занимающий в пьесе ведущего положения, вдруг приобрел в спектакле столькую, понятую и волнующую биографию. Жаров рассказывает так много о своем герое, рытмом, массивным человеком с мягким русским лицом и клоками пушистых светлых волос над высоким лбом, что угадываешь и былую шпунту его ныне сломанных и несовершенных провинциальных мещанством желаний, и сердечную доброту, и зря растратенную силу.

И снова встает характер большой социальной значимости, сильный и обаятельный, воспроизведенный художником своеобразным, по-своему читающим Чехов.

В том же спектакле К. Рокк со-

дает высокопоэтический образ Сарры, не отходя от творческой манеры театра, но раскрывая при этой первой встрече с чеховским характером свои пристрастия свои поиски. Женщина громадной душевной энергии, внутреннего изыскания, Сарра красивая и молодая. И самоотверженна до того, что не подозревает об этой своей самоотверженности, с такой радостью и робкой надеждой смотрит она на Ивачова. Потому что страшной и непонятно воспринимается обреченность Сарры, которая самого начала подражается той, которая ощущается и угадывается в ее неожиданном испуганном взгляде, то в робкой интонации, то в недоуменно поднятых плечах. Стелешь за игрой Рокк и невольно думаешь: сколько сил растратено впустую, сколько надежд не осуществлено! И в этом лесном образе, кажется, таюм то, каково, таком истинно чеховском, какое глубокое социальное обобщение!

ДРУГОЙ театр, другой сценический образ — Нина Заречная. Но та чистая, поэтичная интонация, которая составляет одну из лучших примет работы Рокк, прозвучала и в исполнении дебютантки А. Константиновой на сцене театра имени Станиславского. Первая роль — актриса сумела убедить в своем праве говорить от имени чеховской героини, сумела найти свое, пусть не исчерпывающее, но верное решение.

В широко раскрытых глазах ее Нины из первых трех актов светится нежность молодости, восторженное изумление перед богатством и красотой жизни, во всем поведении раскрывается щедрость богатой души. Но вот наступил четвертый акт. И юная девушка вдруг смело и уверенно ведет зрителей за собой в мир творчества актрисы Заречной, говорит о ее поисках в искусстве, о трудном и радостном пути. Даже черты лица Нины становятся строже, увереннее звучит голос. Актриса Константинова становится союзницей артистки Заречной. Из середины XX века протягивает она руку своей — подруге из века XIX. Они обе верят в великое назначение русского искусства, в великую его миссию.

Разные, очень разные образы вошли в эту галерею лучших чеховских характеров воплощенных представителями различных театров столицы. Но, несмотря на несхожесть творческих пристрастий, художнической манеры этих исполнителей, работы их объединяет хорошее желание увидеть и понять героев Чехова с точки зрения дня сегодняшнего, увидеть глазами советских художников. Тот сценический язык, на котором звучит сегодня Чехов, по современному — очень сложный. Ни один из спектаклей не раскрыл своей силой глубочайший оптимизм его творчества. Ни в каждом из них, в лучших актерских работах есть черты нового прочтения Чехова. Того Чехова, который будет близок и понятен грядущим поколениям, того Чехова, который будет сыгран завтра.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ